

Продюсер Чжао Цянь искренне полагал, что режиссер Чжан Чэн окончательно лишился рассудка. Ну в самом деле, с чего бы еще нести подобную чушь? «Курьер сыграет лучше Лу Цзя!» Конечно, капризная звезда всех уже до печенок задолбала, но ведь Лу Цзя — дипломированный актер, окончил профильный вуз. Разве может какой-то парень с коробкой за спиной соревноваться с ним в мастерстве?

Но за годы совместной работы Чжао Цянь успел изучить упрямый нрав своего коллеги. Если тот вожжу под хвост пустил — пиши пропало, сегодня на съемочной площадке и впрямь может появиться доставщик фастфуда.

Видя, как Чжан Чэн на полном серьезе отправляет Ван Биня на поиски курьера, продюсер лишь обреченно вздохнул:

— Лао Чжан, ты это серьезно? Действительно позовешь парня с улицы?

Выпустив пар, режиссер немного остыл. Он слегка покраснел от смущения. Конечно, он сболтнул лишнего сгоряча — просто умопомрачительный аромат свежего обеда всколыхнул в памяти недавние слова Ван Биня. Тот как-то обмолвился, будто паренек-курьер мечтает о кино. Вот язык и выдал мысль сам собой.

Но стоило Чжан Чэну вспомнить очередную выходку Лу Цзя, как волна раздражения накатила с новой силой.

— А чем плох курьер? — буркнул он, поворачиваясь к Чжао Цяню. — Тот хотя бы приезжает вовремя! А этот ваш Лу Цзя понятия не имеет, что такое профессиональная этика и дисциплина.

Режиссер сыт был по горло. Еще толком не прославился, а уже строит из себя звезду мировой величины. Потакать этим капризам Чжан Чэн не собирался.

Ссору на площадке никто особо не скрывал, так что сплетня разлетелась по съемочной группе в считанные минуты.

В просторном гримвагене ассистент Сяо Сунь, не отрываясь от экрана смартфона, увлеченно пересказывал последние новости:

— Брат Фэй, ты слышал? Наш режиссер совсем с катушек съехал. Заявил, что первый встречный доставщик еды сыграет лучше, чем Лу Цзя!

Сун Цзыфэй лениво приоткрыл один глаз:

— И в чем он не прав? По мне, так любой разносчик лапши превзойдет этого павлина в сто крат.

Сяо Сунь удивленно моргнул:

— Это еще почему?

Сун Цзыфэй презрительно фыркнул:

— Да потому, что от курьера есть реальная польза — он приносит вкусную еду. А от Лу Цзя какой толк? Разве что мастер-класс проведет на тему «Как охмурить богатую спонсоршу».

Ассистент лишился дара речи. Язык у брата Фэя был острым как бритва. Хорошо, что они сидели вдвоем за закрытыми дверями, иначе завтрашние заголовки в соцсетях гарантировали бы грандиозный скандал.

Когда сияющий Ван Бинь подбежал к нему с новостями, Цюй Хэцин решил, что у него начались слуховые галлюцинации.

Его зовут на пробы? И не на какую-то массовку, а на роль третьего плана?! Неужели вчерашний репост картинки с парчовым карпом на удачу сработал? Но ведь он загадывал скромную роль шестого или седьмого плана! Фортуна явно решила перевыполнить план.

Впрочем, глупо стоять и размышлять, когда судьба сама идет в руки. Хватайся за шанс зубами, пока не отобрали!

Цюй Хэцин мгновенно подобрался, стряхнул лишние мысли и последовал за Ван Бинем. Перед грозными очами режиссера он не стал заискивать или кривляться. Вел себя скромно и с достоинством, как и подобает новичку.

— Здравствуйте, господин режиссер, здравствуйте, продюсер. Меня зовут Цюй Хэцин.

Чжан Чэн, уже успевший мысленно обругать себя за ребячество, при виде юноши мгновенно сменил гнев на милость. А парень-то хорош! И лицом поприятнее Лу Цзя, и держится куда благороднее. Никакой спеси, взгляд открытый, послушный — полная противоположность капризному скандалисту.

Они снимали «Легенду о Су Юнь» по одноименному роману. Персонаж Чэньсинь, занимающий важное место в сюжете, по первоисточнику обладал столь утонченной, андрогинной красотой, что его легко можно было спутать с девушкой. Именно поэтому режиссер в свое время утвердил изнеженного Лу Цзя.

Но сейчас, глядя на Цюй Хэцина, Чжан Чэн понял: чистота и искренность в глазах этого юноши подходят образу непорочного лекаря куда больше.

Впрочем, внешность внешностью, а таланты надо проверить. Чжан Чэн протянул Цюй Хэцину распечатку со сценой и обернулся к Ван Биню:

— Лицо у парня рабочее, спору нет. А играть-то он умеет? Видел его в деле?

Ван Бинь на секунду растерялся. Откуда ему знать тонкости мастерства Цюй Хэцина? Он ведь простой бригадир массовой, а не кастинг-директор. Правда, при первом знакомстве он из любопытства погуглил имя парня и выяснил, что тот действительно когда-то снимался.

— Да вроде неплохо играет, — уклончиво ответил Ван Бинь. — Какое-никакое актерское прошлое у него имеется.

Чжан Чэн нахмурился. Мало ли в индустрии тех, у кого «имеется прошлое». Если на камеру парень будет деревянным, никакая смазливая мордашка проект не спасет.

Цюй Хэцин сжал в руках листок со сценой. Сердце в груди колотилось так неистово, словно готово было пробить ребра.

Четыре года. Четыре долгих, невыносимых года после той проклятой аварии, сделавшей его инвалидом, он не смел даже мечтать о свете софитов. Сколько раз долгими бессонными ночами он лежал, уставившись в пустой потолок, и воскрешал в памяти упоительные мгновения работы на съемочной площадке! Но жестокая реальность заставляла хоронить эти грезы глубже в душе.

И вот судьба совершила крутой вираж. Ему выпал второй шанс. Пусть это будет крошечный эпизод, пустяковая сцена — он выложится без остатка!

Сцена на листке была совсем короткой. Юный лекарь Чэньсинь вырос в уединенной Долине Божественного лекаря. Из живых душ его окружал лишь старый немой слуга, так что молодой женщины юноша в глаза не видел. Отсюда и забавные неловкости при их первой встрече.

Главная героиня, дочь предводителя союза боевых искусств, сорвалась с утеса. Чэньсинь спас ее и приютил, разделив с невольной гостьей несколько беззаботных дней в цветущей долине.

Цюй Хэцину предстояло сыграть тот самый момент, когда Чэньсинь впервые натывается на спящую гостью.

Опустив листок, Цюй Хэцин прикрыл глаза и сделал медленный, глубокий вдох. Шквал эмоций улегся, уступая место звенящей концентрации. Он растворился в тексте, вживаясь в кожу своего персонажа.

Он обязан справиться. И справится. Жизнь преподнесла ему этот дар не для того, чтобы он облажался. Он заставит режиссера поверить, что лучшего кандидата на свете просто не

существует.

Спустя пару минут Цюй Хэцин уверенно шагнул вперед. Окружающие едва ли уловили перемену, но наметанный глаз режиссера сразу зафиксировал чудо.

Всего за десяток шагов от края площадки до ее центра юноша преобразился до неузнаваемости. На глазах у изумленного Чжан Чэна современный парень стерся, уступив место наивному, чистому лекарю, выросшему в глуши и никогда не видевшему внешнего мира.

Перед мысленным взором режиссера ожил книжный Чэньсинь — неземной красавец с трогательно-простыми повадками. Вот он застывает над раненой Су Юнь. Девушка для него — диковинное чудо. Поборов робость, он завороченно тянется пальцами к ее лицу, но спящая внезапно распахивает глаза. Свистит сталь, клинок рассекает воздух у самого его носа, и напуганный юноша смешно заваливается назад, едва удерживая равновесие.

Чжан Чэн прекрасно помнил, как эту же сцену репетировал Лу Цзя. Тому не помогли ни роскошный исторический костюм, ни три часа сложного грима — во взгляде сквозила фальшь, а не святая простота. Честно говоря, режиссер едва сдерживался, чтобы не высказать все в лицо: «У тебя огромные глаза, парень, но таланта в них — кот наплакал. Прекрасного, чистого лекаря превратил в какого-то умственно отсталого!»

Поскольку экранного времени у Чэньсиня было немного, Чжан Чэн изначально махнул рукой на актерские огрехи — лишь бы мордашка в кадре смотрелась миловидно. Однако игра Цюй Хэцина наглядно продемонстрировала: все познается в сравнении. То, что начиналось как нелепая шутка, обернулось настоящим триумфом. От этой спонтанной пробы режиссер не ждал ровным счетом ничего, а получил неограниченный алмаз.

— Цюй Хэцин, верно? Прекрасная работа! — удовлетворенно кивнул Чжан Чэн и тут же зычно крикнул ассистенту:

— Сяо Ли! Живо води его в гримерку, выдай полный сценарий. Пусть вживается в роль, после обеда выходим на исходные!

Такая спешка ошарашила продюсера. Чжао Цянь поспешно оттащил режиссера в сторонку, прижимая ладонь ко лбу:

— Лао Чжан, ты с ума сошел? Нельзя принимать такие решения с кондачка! Это же безответственно!

Но тот лишь весело отмахнулся:

— Да брось ты. Хуже, чем у Лу Цзя, у него точно не выйдет.

К тому же, пусть Цюй Хэцин показал лишь крошечный этюд, его подача превосходила потуги исполнителя главной роли. Если бы каст не утвердили окончательно, Чжан Чэн всерьез задумался бы о замене ведущего актера.

Для Ван Биня весь этот день походил на фантастический сон. Еще утром он прикидывал, как бы со временем пристроить Цюй Хэцина на роль безмолвного слуги или стражника на заднем плане. А тут солнце еще не зашло за горизонт, а парень уже щеголяет в статусе актера третьего плана!

Не знай Ван Бинь наверняка, что режиссер видит курьера впервые, заподозрил бы наглый блат. Оставалось лишь диву даваться феноменальному везению парня.

Впрочем, Цюй Хэцина щедро одарила не только фортуна. Мало того, что парень чертовски красив, так еще и характер золотой: приветливый, улыбчивый, а готовит так, что пальчики оближешь... Ван Бинь мысленно оборвал свои рассуждения. Если завидовать чужим достоинствам слишком долго, можно захлебнуться собственной желчью.

Скептически настроенный режиссер выделил на первую сцену Цюй Хэцина солидный запас времени, но тот уложился вдвое быстрее, отыграв все дубли без единой запинки. Глядя на экран режиссерского монитора, Чжан Чэн едва не мурлыкал от удовольствия. Работай вся труппа с такой самоотдачей, у него на голове уцелело бы куда больше волос.

Быстро смыв грим и вернув себе привычный свежий вид, Цюй Хэцин тепло попрощался со съемочной группой и направился к своей старенькой колыхаге-минивэну, чтобы поехать домой.

Сун Цзыфэй проводил его недовольным взглядом. Вообще-то он слегка обиделся: они ведь только вчера вместе уплетали кашу, а этот неблагодарный даже не подошел попрощаться после триумфа! Но при виде облезлого минивэна обида сменилась глубоким недоумением. Брат Фэй решительно не понимал, что за фрукт этот Цюй Хэцин.

Назвать его актером? Но он развозит копеечные обеды. Считать обычным курьером? Да у парня на площадке пластика и понимание кадра профессиональнее, чем у половины дипломированных звезд! Сун Цзыфэй сам едва челюсть не обронил, наблюдая за его игрой. Сплошная загадка, а не человек.

На обочине дороги Цюй Хэцин вернул ключи от минивэна законному владельцу и сладко потянулся.

Единственная сегодняшняя сцена не отняла много сил, но с непривычки он порядочно устал под тяжелым историческим париком. Больше всего сейчас хотелось добраться до ванной, хорошенько вымыть волосы и наконец расслабиться.

Стоило ему развернуться в сторону дома, как до ушей донесся оклик. Цюй Хэцин обернулся и

узнал брата Ма — своего коллегу по службе доставки, с которым они частенько пересекались на заказах.

Мужчина выглядел взмыленным и крайне встревоженным.

— Брат Ма, что стряслось? — обеспокоенно спросил Цюй Хэцин. — На тебе лица нет.

— Сяо Цюй, выручай, ради бога! Можешь перехватить у меня заказ? Только-только подтвердил доставку, как прилетело сообщение от жены — ее экстренно оставили на сверхурочные. Нужно срочно бежать за дочкой в детский сад, боюсь опоздать, мало ли что случится с ребенком...

Ма замялся, густо покраснев и пряча взгляд от неловкости.

Цюй Хэцин не почувствовал и капли досады. Поработав курьером, он отлично знал суровые правила системы: отменишь заказ сам — снимут драконовский штраф, а если клиент пожалуется на опоздание, пиши пропало. Порой за один такой прокол списывали больше, чем работяга успевал заработать за весь день под проливным дождем.

— Без проблем, брат Ма, давай сюда свой заказ, — с улыбкой согласился Хэцин. Свободного времени у него вагон, а для коллеги это спасение от верного разорения.

Забрав термосумку, он сверился с навигатором и оседлал свой верный электроскутер. Точка назначения находилась относительно близко, но пока он пробивался сквозь вечерние пробки и искал нужный подъезд, сумерки окончательно сгустились над городом.

Вручив пакет адресату, Цюй Хэцин выкатил скутер во двор и собрался разворачиваться. Но стоило ему щелкнуть тумблером фар, как яркий луч выхватил из темноты фигуру у декоративного водоема.

В инвалидном кресле сидел человек. Его тело опасно перевесилось через низкое, едва достигающее до колен ограждение, словно он намеревался соскользнуть прямо в темную воду.

«Решил утопиться!» — молнией пронеслась мысль.

Волосы на затылке Хэцина встали дыбом. Отбросив скутер, он рванулся вперед. Навалившись всем телом, он мертвой хваткой обхватил незнакомца поперек груди и изо всех сил потянул колесную коляску назад, прочь от края.

Мужчина отчаянно брыкался и пытался вырваться, но Цюй Хэцин держал его как утопающий соломинку. Еще секунда — и упрямец точно скользнул бы в бездну.

— Пожалуйста, возьмите себя в руки! Не делайте глупостей! — тяжело дыша, взмолился Цюй

Хэцин. — Из любой ямы можно выбраться, слышите? Давайте спокойно во всем разберемся, я помогу, мы что-нибудь придумаем!

Он легонько похлопал мужчину по вздрагивающей спине. Почувствовав, что тот замер и прекратил борьбу, Цюй Хэцин попытался сменить тон на более мягкий:

— Вот так, тише... Сделайте глубокий вдох. Подумайте о чем-то хорошем, светлом...

Не успел он развить спасительную мысль, как над ухом раздался ледяной, удивительно знакомый голос:

— С чего ты взял, что я собрался сводить счеты с жизнью?

Цюй Хэцин опешил и заглянул незнакомцу в лицо. Батюшки, да это же тот самый богач из больничной палаты — директор Юй Цун!

— Господин Юй? — изумленно выдохнул Хэцин.

Юй Цун смерил его долгим, нечитаемым взглядом, задержавшись на покрасневшем от осенней прохлады кончике носа парня, после чего сухо обронил:

— Собственной персоной.

— Но... что вы здесь делаете в такой час? — пробормотал Цюй Хэцин. — Вас кто-то обидел? Что-то случилось?

Юй Цун покачал головой:

— Ничего не случилось. Ты обознался.

Слова прозвучали крайне неубедительно. Какой здравомыслящий человек станет торчать у холодного пруда глубокой осенью? К тому же Хэцин собственными глазами видел, как тот опасно кренился над водой. Инвалидное кресло, конечно, сковывало движения, но при сильном желании преодолеть хлипкий барьер не составило бы труда.

Понимая, что гордый богач ни за что не признается в минутной слабости, Цюй Хэцин решил действовать деликатно:

— Господин Юй, на улице жуткий сквозняк. Давайте я помогу вам добраться до дома?

Юй Цун недовольно нахмурился, скользнул взглядом по озябшим, покрасневшим пальцам

юноши и после короткой паузы едва заметно кивнул.

Опасаясь, что мужчина передумает, Хэцин торопливо уточнил адрес, намертво пристегнул свой скутер к ближайшему столбу и взялся за рукоятки коляски.

— Я всего лишь выпускал рыбу на волю, — глухо произнес Юй Цун, глядя прямо перед собой невидящим взглядом.

— Да-да, конечно, — поспешно закивал Цюй Хэцин, хотя на душе у него заскребли кошки.

Выпускал рыбу? Ага, как же. Кто поверит в эти басни? Бедняга явно находился на грани нервного срыва, и оставлять его одного в таком состоянии было верхом безрассудства. Нужно срочно переключить его мысли на что-то позитивное.

— Господин Юй, а вы уже ужинали? — как бы между прочим спросил Цюй Хэцин. — В такую промозглую погоду нет ничего лучше огненного, бурлящего хого. Не хотите перекусить?

— Что? — Юй Цун растерянно моргнул.

— Горячий котелок! Пряный, ароматный бульон... Собраться с близкими, согреться душой и телом — это же настоящее счастье! — Цюй Хэцин лихорадочно перебирал в голове образы домашнего уюта, стараясь растопить лед в сердце случайного попутчика.

Однако Юй Цун мгновенно окаменел, а в глазах сверкнула глухая ярость:

— Мои так называемые «близкие» спят и видят, как бы обобрать меня до нитки, выпить всю кровь и обглодать кости.

— Оу... — Цюй Хэцин осекся, проклиная себя за длинный язык. Надо же было так неловко наступить на больную мозоль!

Попытавшись сгладить неловкость, он кашлянул:

— Кхм, ладно, давайте сменим тему. Поговорим о чем-нибудь нейтральном. Например... о вашей чудесной рыбе!

И хотя версия с чешуйчатым питомцем не выдерживала никакой критики, Цюй Хэцин изо всех сил изобразил живейший интерес:

— И как же вы везли ее сюда? Где круглый аквариум или хотя бы банка?

— Твоими стараниями покоится на дне, — ровным тоном отозвался Юй Цун. — Ты так налетел, что я выронил емкость.

Цюй Хэцин на секунду лишился дара речи.

«Что ж, красиво разыграно. Сам сочинил сказку, сам меня в ней и обвинил».

Но отступить парень не собирался. Главное — доставить упрямого богача в тепло и безопасность, а там он уж как-нибудь найдет способ вернуть этому человеку вкус к жизни.

<http://bllate.org/book/20653/2131315>